

УДК 130.3
ББК 60.028.13
DOI: 10.46726/H.2020.3.13

А. С. Тимощук, Н. Н. Трофимова

МЕДИАТИЗАЦИЯ ОБЩЕСТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА

Особое место в ноосфере занимает медиадиагноз — совокупность комплексных взаимосвязанных процессов информатизации, дигитализации, индивидуации и глобализации социального знания. Медиакратия претендует на статус пятой власти, продолжая и усиливая, ставшую традиционным влиянием СМИ. Технология, социетальность и индивидуация генерируют синергетический эффект медийности. Информатизация и медиатизация — это два взаимосвязанных процесса внедрения телекоммуникационной среды и опосредования социальных интеракций через информационные ресурсы. Эти социотехнические тренды актуализируют как объект-ориентированные вопросы медиасреды, медиасобытия, медиаполитики, медиапотребления, так и субъект-нацеленные практики медиаобразования, медиаграмотности, медиакомпетентности, медиакритики, медиаактивности.

Ключевые слова: ноосфера, медиадиагноз, общественный интеллект, медиатизация.

A. S. Timoschuk, N. N. Trofimova

MEDIATIZATION OF PUBLIC INTELLIGENCE

Mediagnosis occupies a special place in the noosphere. It is a set of complex interrelated processes of informatization, digitalization, individuation and globalization of social knowledge. Mediocracy claims the status of the fifth power, continuing and strengthening the traditional influence of the press. Technology, societality and individuation generate a synergistic effect of media. Informatization and mediatization are two interrelated processes of introducing a telecommunication environment and mediating social interactions through information resources. These sociotechnical trends actualize both object-oriented issues of the media environment, media events, media policies, media consumption, and the subject of targeted practices of media education, media literacy, media competence, media criticism, media activity.

Key words: noosphere, mediagnosis, social intelligence, mediatization.

Текущая современность в отличие от модерна и классики, как твёрдых, устойчивых культур, складывается из индивидуации, калейдоскопического мышления, прозрачности тела и сознания через дигитализацию, насыщенности информацией. Индивидуация становится лично-общественной проективностью и сопровождается секулярным пересмотром классических констант: религия, пол, семья. Формирование институтов гражданского общества сопровождается пролиферирующей индивидуацией, процессом ценностно-смыслового расслоения, эксфолиацией плана возможностей, доминантой полифуркации над бифуркацией. Индивидуация — это нелинейная антропология. Она означает становление номадических интесубъективных субъектов, которые находят себя в ситуациях выбора жизненных габитусов, рассыпающихся

© Тимощук А. С., Трофимова Н. Н., 2020

в следующее мгновение. Взаимодействие жизненных миров приводит к умножению автономных смысловых горизонтов. Эти умелы суть сложные конструкции, опосредованные современными медиа и ключевыми фигурами нарративизации медиасреды. Противостояние культуре цифрового слабоумия и флуктуации в медиа коктейле хипстеров и сетевых бумеров, лавирование в потоках хайпа — непростая задача для современного школьника, бакалавра, магистра, аспиранта. Ведь преподаватели часто проигрывают спикерам Ютуба.

Растущая роль медиа актуализировала такие социальные понятия и аттракторы как событийность, включённость, информационный повод, доступность, открытость, скорость распространения информации, которые стали социокультурными векторами общества, а также рычагами экономики. Формирование медиакомпетентности состоит из многих задач: технической оснащённости, специальных SMM умений (продвижения товаров и услуг в социальной медиа среде), знания терминологии, управления коммуникациями, контент-менеджмента, работы с разными интерфейсами, владения навыками медиа анализа, реализации ключевых показателей (KPI). Одним из важных компонентов медиакомпетентности выступает медиа этика, нравственный кодекс всех участников коммуникативной среды, где есть не только свобода подключения и распространения, но и свобода отключения и нераспространения; защита безопасности, деловой репутации, конфиденциальности.

Коммуникативно-культурная память в эпоху цифровизации диверсифицируется, распадается на разные аналоговые и цифровые потоки. Журналистская деятельность репрезентирует и снимает антиномии глобального информационного общества: она эксплуатируется в мемориальных войнах, выступает конвергентной силой социальной памяти, устанавливает коммуникацию между властью и обществом, транслирует миноритарные и мажоритарные горизонтальной и вертикальной России [2].

Медиатизация и информатизация позволяют детализировать малое, углубляться в частное, драматизировать конкретное. Мы всё больше знаем о меньшем и всё меньше знаем о сущности и первоначале. Как сделать самое главное самым главным в своей жизни? Эпоха скорости даёт простой ответ: деконструкция отношений центр — периферия, мужское — женское, сакральное — профанное, истина — ложь, норма — девиация. Провокация и манипуляция — таковы законы жанра обольщения технологией [4].

Вся наша жизнь сегодня вписана в цивилизационный темп догоняющей модернизации. Медийность, информационный бум, интернет вещей и скорость оказывают сильное, порой гипертрофированное воздействие на сознание и поведение социума. Планетарный уровень интеграции экономики, политики, религии, морали, права, образования, науки и социальных практик — это концепция ноосферизма Вернадского — Субетто, где имеет место конвергенция индивидуальных и коллективных жизненных миров. Политические институты в условиях в информационном обществе претерпевают существенные трансформации благодаря медиатизации, скорости распространения информации, массовости участников [3].

Политическая коммуникация сегодня должна учитывать растущую централизацию и обратную связь граждан. Ведь санкции США и Евросоюза против администрации и крупных финансистов — это удар по всей России, по всем коллективам, которыми руководят субъекты санирования. Западная благосостояния и потребительского самосознания в том, что граждане хотят постоянно большего и, напротив, не хотят нести коллективные расходы

за индивидуальные ошибки политиков, оплачивать санкции против высокопоставленных чиновников.

Информационные ресурсы сегодня имеют не менее важное значение, чем экономические и рычаги. Дальнейшее выживание и самобытное развитие России зависит от оснащённости и готовности к активному противостоянию в глобальной информационной войне, где средства поражения и цели не имеют привычного физического ущерба. Главные оппоненты России в информационной войне — Великобритания и США, а также их сателлиты: Польша, Грузия, Украина, прибалтийские страны. Ключевые игроки выделяют на воплощение антироссийских редакционных заданий миллиарды долларов. При этом основной мишенью является В. В. Путин, как успешный лидер государства. В качестве боеприпасов используются инфоповоды — Крым, Донбасс, Катастрофа Boeing 777 в Донецкой области и т. п. [1].

Политолог А. И. Фурсов обозначает гносеологическую ситуацию информационного противостояния термином «постправда»: «...когда для обвинения не нужны доказательства, для доказательств — аргументы. “Постправда” — это право сильного, т. е. контролирующего власть, деньги и информацию, объявлять “черное” “белым” — и наоборот, без всяких доказательств вынося приговоры негодным (см.: “малайзийский боинг”, “отравление Скрипалей”, “химатака в Сирии”, “вмешательство РФ в американские выборы”, дело ВАДА и т. п.). Постправда — это один из способов ведения информационной войны в условиях монополии на глобальные СМИ» [5, с. 27].

Журналистика в информационной войне — это войска особого назначения. Они отвечают за то, что мы знаем о России и мире, поскольку живём в особой познавательной ситуации, когда пользуемся, главным образом, информацией, которую не можем проверить. Разные редакционные задания представляют собой различные политики памяти, которые ведут в поле дискурса отечественные и зарубежные СМИ, провластные и оппозиционные, федеральные и региональные.

Фактор глобализации выступает буфером обмена разных автопоэтических социальных образований, плавильным тиглем микротрадиций. Автопоэзисы традиций — это подвижные коммуникативные среды. Локальные автопоэтические микротрадиции являются социальными ячейками, обладающими способностью к самоконституированию социальной памяти. Наследование ценностно-смысловых стратегий поведения происходит в малых группах. Медиа диверсифицируются и уже не могут быть единственным генератором коммеморативного потока. Кратковременный эффект массовой коллективной памяти можно было ощутить в позднем СССР, когда транслировалась целостная идеологическая картинка. В условиях диверсификации каналов доступа к информации, единая коллективная память становятся такой же кажимостью как воображаемые сообщества социолога Б. Андерсона.

Философия информационного общества представляет социальное бытие как конфигурацию жизненных миров (Umwelt), которые задают смысловые горизонты нашего познания. Взаимодействие жизненных миров приводит к умножению смысловых горизонтов. Континуальность традиции обеспечивается уже не воспроизведением, а творчеством на границах разных умвельтов. Смысловая целостность становится мимолётным явлением, свершающимся здесь и сейчас, в рамках конкретного индивидуализированного умвельта.

Большие нарративы обнаруживают свою неконкурентноспособность в условиях пролиферирующей индивидуации. Индивидуация — это процесс

ценностно-смыслового расслоения, эксфолиации плана возможностей, доминанты полифуркации над бифуркацией. Индивидуация — это нелинейная антропология. Она означает становление номадического коллективного субъекта, который обнаруживает себя в молниеносных ситуациях одномоментного выбора одинаковых габитусов, рассыпающихся в следующее мгновение. Индивидуация считается продуктом из европейского супермаркета, однако ее объективные причины располагаются в системогенетике глобальной культурной неоднородности.

В этой ситуации интегрирующую нагрузку в информационном обществе несут именно медиа, поддерживающие социальную целостность. Субъект, находящийся среди самоорганизующихся смысловых религиозных систем, обращается к их смысловым горизонтам как к средству фокусировки своей идентичности. Однако для коллективного выживания необходимо секуляризованное пространство медиа.

Герменевтика культуры объясняет взаимоотношения между человеком и медийными мирами. Социокультурный мир здесь представляется как символические структуры разных порядков, которые имеют разные смыслы, ценности, нормы, знания, установки и пр.

Интересным методом познания национального в глобальном является дискурсивный анализ (П. Бурдьё, Ван Дейк, Ю. Хабермас), который представляет собой решение противостояния объяснение / понимание, господствующие / маргинальные артикуляции, явная / неявная репрезентация в культуре. До сих пор мы имели либо объясняющие стратегии культуры (К. Маркс, О. Шпенглер, З. Фрейд, А. Моль, П. А. Сорокин и др.), либо понимающие (Г. Риккерт, М. Вебер, Г. Зиммель, А. Шюц, Ю. М. Лотман). Дискурсивный анализ — это стратегия, которая учитывает как процессуальное конструирование моментов культуры, так и субстантивирование её в виде культурных артефактов. Культура представляет собой одновременно и процесс воспроизведения человеческого, так и онтологизацию человеческого в предметах.

Малые группы артикулируют свои локальные нарративы в блогах и форумах, чатах и рассылках, что представляет собой новый феномен — непрофессиональную журналистику. Во след за четвёртой властью приходит эпоха пятой власти, диктатуры блоггеров, которые усиливают эффект медийности.

Понятие дискурса как коммеморативного потока сегодня неразделимо от понятия медиа, под которым следует понимать всю совокупность средств передачи социально значимой информации. Особое место среди всех медиа в информационном обществе закрепляется за СМИ. Считается, это именно этот организационно-технический комплекс отвечает за публичное конструирование идентичности, формирование мировоззрения, ценностную ориентацию. В аграрном обществе целостность социальных групп поддерживала религия, в индустриальном репрезентантом массы были заводы. Постиндустриальное общество диверсифицировано, разнородно, поликультурно. Медиа сложно оставаться массовой в условиях многоканальности распространения информации. Даже если все основные СМИ будут контролироваться через медиа холдинги, остаются лидеры мнений, которые пишут в ЖЖ, ВК, Твиттер. В 2014 г. была предпринята законодательная попытка контролировать крупных блоггеров-трёхтысячников, однако после 276-ФЗ в 2017 г. Роскомнадзор прекратил вести реестр блоггеров по причине неэффективности их учёта и контроля. Это не остановило депутатов, которые в 2019 г. разработали закон об административной ответственности за публикацию искажающих факты

новостей (фейках) и оскорблении власти. Вероятно, вторая часть названия лучше проясняет цель законодательной инициативы, которая не коснётся ресурсов, зарабатывающих популярность на распространении городской мифологии, лженаучной информации, конспирологических версий.

Журналисты осуществляют медиатизацию лингвоцинизма чиновников, что оказывает воспитательное воздействие на государственное управление через обратную связь граждан. Интернет мемы, комментарии, цитирование — это те процедуры, которые не позволяют забыть неосторожным высказываниям: «Государство не просило ваших родителей рожать», «можно и на 3 тысячи жить, только похудеете на макаронках», «денег нет, но вы держитесь», «женщинам после 30 деньги не нужны», «пенсию восемь тыс. рублей получают тунеядцы и алкаши, малоимущие сами виноваты в своем положении». Раньше такая правда-матка осталось бы только в личной памяти объекта воздействия, но не сегодня, когда благодаря СМИ нетактичные фразы становятся общественным достоянием, они разбираются на подписи к демотиваторам и фотожабам, участвуют в общественном стимулировании профессионализма госслужащих.

Срастание политической и воровской элиты — кардинальная угроза путинской тимократии. Архетип Арашуковых — один из самых ярких медийных образов, вызвавший волну недовольства и гневных комментариев: «Они там все повязаны», «Убийца в сенате, вор в Газпроме», «в каком государстве живем! Без команды сверху, правоохранительная и судебная системы не работают. Все ждут команды, повелительного взмаха руки», «Все больше и больше понимаю Сталина». Пользователи в сети недоумевают, почему такая могущественная организация как Газпром, имеющая свою службу безопасности, закрывает глаза на клановость назначений и судимость кандидатов? Арашуков Р. Т. имел две уголовные судимости и это не помешало ему долгое время возглавлять «Газпром межрегионгаз Ставрополь»; он устроил многочисленных родственников на посты в других отделениях Газпрома?

Есть этический кодекс, каким должен быть государственный служащий, из преступных кланов нельзя формировать управленческую элиту. Это должны быть люди с безупречной репутацией. Существуют положения о наборе, Федеральный закон «О порядке формирования Совета Федерации», все необходимые фильтры, которые должны проверять и отклонять соискателей с уголовными и административными делами, скрывающих доходы, имеющих поддельные дипломы.

В контексте вышесказанного, цифровая экономика действительно нужна России, что сделать прозрачными доходы и расходы высокопоставленных должностных лиц, чтобы сразу было видно, чем владеет субъект общественных отношений, каким движимым и недвижимым имуществом, какие доходы и расходы. Ведь популяризация криптовалют сегодня, — это один из шансов избежать государственного контроля за доходами, сбережениями, расходами, операциями.

В государственном управлении не могут находиться морально разложившиеся люди и способом их выявления всё чаще становятся журналистские расследования, а также совокупность информации, которую оставляет о себе публичный человек в сети. Интернет, словно поле знаков, хранит следы социальных обменов: фото, контакты, встречи, события из жизни, заявления, предпочтения. Журналистика и социальные сети осуществляют сегодня

медиатизацию социального тела публичного лица, храня во времени его образы и интеракции.

Помимо коммеморативной функции, есть и другие эффективные способы воздействия Сети на политическую жизнь общества, например, интеграционная и манипулятивная. Социальные коммуникации актуализируют политику, она становится информационным поводом. Не случайно, правда-матка чиновников конвертируется в новостные события: «денег нет, но вы держитесь», «пожить на макаронках хорошо для диеты», «государство не просило вас рожать». Неосторожные искренние высказывания становятся Интернет-мемами и расходятся как вирусная антиреклама и демотиваторы. Неожиданные фразы вызывают резонанс, который порой возвращается обратно и приводит к увольнению неосторожных государственных служащих. Конечно, имеет место сетевой креатив, фразы подвергаются склейке, рифремингу и растиражированность опережает возможность проверить подлинность. И здесь не всегда дело в происках иностранных агентов. Народ, как субъект политики, очень восприимчив к цинизму и воспринимает самую суть, послание, которое благодаря Сети становится символом персонажа в коллективной памяти. Это эффект разрыва коммуникации, когда видоизменённое послание начинает отражать массовое восприятие образа политика.

Иные способы влияния Сети на политическое сознание: трансляция пресс-конференций, голосование, информационные рассылки, размещение заявлений, обсуждение и комментирование, подача запросов через официальные сайты, координирование совместных акций, участие в опросах, использование мессенджеров как средства обмена оперативной информацией, распространение публикаций лидеров мнений, сбор подписей, проведение сетевых расследований.

Сеть — великий посредник между политикой и народом, её воздействие можно описать с помощью синергетического «эффекта бабочки», когда сумма малых интеракций оказывает большое и непредсказуемое влияние на политику. Так, изнасилование дознавательницы коллегами в Уфе и медиатизация событий в Сети, стала причиной того, что тема открытого недопустимости харассмента стала активно обсуждаться в России, больше заявлений стало поступать в правоохранительные органы с жалобой на сексуальное домогательство. Некорректные высказывания некоторых чиновников стали причиной их увольнения из-за обсуждения в сети и негативного отношения к власти. Вброс «Банда Цапков обедает деликатесами в тюрьме» привела к проверке Прокуратуры, а ряд должностных лиц в УФСИН по Амурской области уволен, либо привлечен к дисциплинарной ответственности.

Самые последние значительные социальные акции в России, это экологическая борьба в Урдоме Архангельской области против строительства мусорного полигона на станции Шиес и протест в Екатеринбурге против строительства храма в городском сквере, были координированы через социальные сети и пополняют репертуар медиатизированного гражданского сопротивления.

В мировой медиа среде, эффектом бабочки объяснялся приход к власти Б. Обамы, заручившегося поддержкой не крупных финансистов, а crowd funding, когда простые пользователи перечисляли сколько кому не жалко на выборную кампанию кандидата-демократа, обещавшего социальные блага.

Новые инструменты коммуникации продвигают не только бренды и товары, но политическую культуру, которая сегодня как никогда становится подотчётной народу и должна включать не только высокий IQ, но также

эмоциональный (EQ) и моральный (MQ) индексы соответствия. Истории об аморальном поведении публичных лиц и организаций быстро попадают в Сеть и вызывают эффект бабочки в виде критики, стигматизации, протестного поведения, акций бойкота, механизма осуждения «не выбирай рублём». Скандалы наносят непоправимый удар по имиджу. Тот же клан Арашуковых сразу понял масштаб происходящего, — «испачкали имя», «поливают грязью». Интернет распространяет информацию глобально и мгновенно. Потушить огонь возмущения граждан нельзя точечной фабрикацией новостей, это быстро замечают и разжигают событие до непоправимых масштабов. Сеть принимает только долгосрочные действия и честность. Никакие спланированные мероприятия в рамках SMM не помогут утаить социально значимую информацию.

Коммуникативно-культурная память в эпоху цифровизации диверсифицируется, распадается на разные аналоговые и цифровые потоки. Журналистская деятельность репрезентирует и снимает антиномии глобального информационного общества: она эксплуатируется в мемориальных войнах, выступает конвергентной силой социальной памяти, устанавливает коммуникацию между властью и обществом, транслирует миноритарные и мажоритарные горизонтальной и вертикальной России.

Список литературы

1. *Мещерякова В. Г.* Новый виток информационной войны во время выборов президента России 2018 // Государство будущего: актуальные проблемы социально-экономического и политико-правового развития: сб. ст. по материалам IV Междунар. науч.-практ. конф., посвященной 70-летию юбилею УГНТУ / под общ. ред. проф. Э. С. Гареева. Уфа: Изд-во УГНТУ, 2018. С. 303—306.
2. *Тимощук А. С.* Клиповое мышление как феномен социотехнической среды // Актуальные проблемы развития экономики в современных условиях: материалы Междунар. науч.-практ. конф., Москва, 13 декабря 2018 г. / отв. ред. И. Л. Сурат. М.: Изд-во СГУ, 2018. С. 462—474.
3. *Тимощук А. С.* Этносоциальная память и идентичность традиционной культуры // Inter-Cultur@1-Net: международный научно-практический журнал. 2009. № 8. С. 20—23.
4. *Тимощук А. С.* Русский логос и модернизация: горизонты осмысления // Русский логос: горизонты осмысления: материалы Международной философской конференции, Санкт-Петербург, 25—28 сентября 2017 г.: в 2 т. СПб.: «Интерсоцис», Изд. РХГА, 2017. Т. 1. С. 477—481.
5. *Фурсов А. И.* Капитализм, будущее мира и планы закрытых наднациональных структур глобалистов (на примере проблематики обсуждения на туринской встрече бильдербергского клуба 7—10 июня 2018 г.) // Моисеевские чтения: Культура и гуманитарные проблемы современной цивилизации: доклады и материалы Всероссийской научной конференции. М.: Изд-во Моск. гуманит. ун-та, 2018. С. 14—32.